

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-313-317

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конкурентного
и предпринимательского права ЮШ ДВФУ,
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
магистрант Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ПРИ ФОРС-МАЖОРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СПОРАХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме квалификации форс-мажорных обстоятельств при исполнении обязательств юридическими лицами в международном частном праве. Исследуются коллизии между доктринами *civil law* и *common law*, критерии разумной предсказуемости корпорации, а также разграничение непреодолимой силы и *hardship*. На основе анализа решений международных арбитражей (ICC, LCIA, МКАС при ТПП РФ) выявлены *procedural traps*, характерные для крупного бизнеса: повышенный стандарт доказывания, запрет на ссылку на собственные публичные ограничения и неоднозначная роль уведомления о форс-мажоре.

Ключевые слова: трансграничный спор, исполнение обязательств, юридическое лицо, форс-мажор, непреодолимая сила, арбитраж, *hardship*, должная осмотрительность, санкции, уведомление.

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Competition and Entrepreneurial Law,
Far Eastern Federal University Law School

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Master's Student, School of Law
of Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Master's Student, School of Law
of Far Eastern Federal University

FULFILLMENT OF OBLIGATIONS BY LEGAL ENTITIES UNDER FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES IN CROSS-BORDER DISPUTES

Annotation. This article examines the classification of force majeure circumstances in the fulfillment of obligations by legal entities in private international law. The article explores conflicts between civil law and common law doctrines, the criteria for a corporation's reasonable care, and the distinction between force majeure and *hardship*. Based on an analysis of international arbitration

decisions (ICC, LCIA, and the International Commercial Arbitration Court at the Russian Chamber of Commerce and Industry), procedural traps specific to large businesses are identified: a heightened standard of proof, a prohibition on invoking one's own public restrictions, and the ambiguous role of force majeure notification.

Key words: *cross-border dispute, performance of obligations, legal entity, force majeure, force majeure, arbitration, hardship, due diligence, sanctions, notification.*

Исполнение обязательств юридическими лицами в трансграничных отношениях сопряжено с фундаментальным концептуальным разрывом между формальным содержанием *lex contractus* и реальной способностью стороны преодолеть препятствия, возникающие вследствие обстоятельств «внешней силы».

В отличие от внутригосударственного оборота, где форс-мажор традиционно понимается как событие исключительной и непредотвратимой природы, в международном частном праве к юридическому лицу предъявляется дополнительное, подчас негласное, требование – доказать не просто наличие объективного препятствия, но и исчерпание всех коммерчески разумных альтернатив. Анализ практики последних пяти лет, включая решения, связанные с пандемией COVID-19, военными действиями и беспрецедентным санкционным давлением, позволяет утверждать, что сформировалась новая реальность: форс-мажор более не рассматривается арбитражами как абсолютный щит, а скорее как временная пауза, в течение которой должник обязан проявить повышенную корпоративную активность по поиску обходных путей исполнения.

Прежде всего стоит отметить, что правовая основа для такого подхода заложена в статье 79 Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года [1], которая устанавливает три классических критерия непреодолимой силы.

Препятствие должно находиться вне контроля стороны, сторона не могла разумно ожидать его наступления при заключении договора, а последствия этого препятствия нельзя было избежать или преодолеть.

Вместе с тем именно третий критерий – «непредотвратимость» приобретает для юридического лица совершенно иное звучание, нежели для гражданина-потребителя. Если физическое лицо освобождается от ответственности при доказательстве самой невозможности действия, то корпорация обязана показать, что она задействовала все доступные ей ресурсы, включая альтернативные цепочки поставок, дочерние общества в иных юрисдикциях и финансовые резервы.

В известном деле ICC Arb. No. 15122 (2011 год) [2] европейский поставщик, сославшийся на

блокировку Суэцкого канала, получил отказ в освобождении именно потому, что арбитраж признал: проявление должной осмотрительности (*due diligence*) требовало от юридического лица избрать маршрут вокруг мыса Доброй Надежды, а дополнительные 15% расходов не выходят за пределы разумного предпринимательского риска. Таким образом, для корпоративного субъекта непредотвратимость означает не физическую невозможность перемещения товара, а экономическую нецелесообразность, превышающую некий отраслевой стандарт, который каждый раз конструируется судом *ad hoc*.

Особого внимания заслуживает парадокс «асимметричной предсказуемости» [3], согласно которому крупные транснациональные корпорации находятся в заведомо более уязвимом положении, чем малый или средний бизнес, когда речь заходит о ссылках на форс-мажор.

Логика арбитражей здесь строга, но последовательна: чем больше юридическое лицо, тем выше ожидания суда в части диверсификации рисков и создания резервных мощностей.

Так, в соответствии со сложившейся международной арбитражной практикой, группа компаний не может ссылаться на непреодолимую силу в одном своем звене, если другое звено дочерняя компания в соседней юрисдикции объективно способна исполнить обязательство. Показательным является решение LCIA Case No. 183210 [4], вынесенное в разгар пандемии COVID-19 в 2020 году. Крупный международный логистический оператор требовал освободить его от ответственности за срыв сроков доставки, указывая на закрытие государственных границ. Однако арбитраж установил, что оператор, имея склады и контрагентов в трех различных странах, мог изменить логистику грузопотоков в обход закрытых участков, и отказал в удовлетворении возражений.

Из этого правила существует лишь одно исключение – публичные ограничения суверенных государств, имеющие императивный характер. Запрет экспорта определенной категории товаров, введенный законом страны отправления, или заморозка активов юридического лица в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН признаются объективными препятствиями [5]. Однако и здесь арбитры неизменно проверяют: пыталось ли юридическое лицо получить специ-

альную индивидуальную лицензию от регулирующего органа, подавало ли заявление о разблокировке или обжаловало ли акт государственного органа в административном порядке. Отсутствие таких действий почти автоматически ведет к выводу о том, что сторона не исчерпала разумных мер.

Отдельным и, пожалуй, наиболее острым в современных условиях является вопрос о квалификации санкций в качестве форс-мажорного обстоятельства.

Начиная с 2022 года и по настоящее время, санкционные режимы Соединенных Штатов, Европейского союза и ответные меры Российской Федерации сформировали массив дел, в которых ответчик пытается освободиться от ответственности, ссылаясь на невозможность провести платеж или осуществить поставку из-за ограничительных мер.

Ключевая правовая дилемма здесь была проиллюстрирована английским Апелляционным судом в деле *Lamesa Investments Ltd v Cynergy Bank Ltd* [2020] EWCA Civ 821 [6], однако вопреки распространенному упрощению, это дело не о запрете ссылаться на собственный закон, а о противоположной ситуации – о праве должника не исполнять обязательство, ссылаясь на риск применения иностранных (американских) вторичных санкций.

Фабула дела такова. Кипрская компания Lamesa, конечным бенефициаром которой являлся российский бизнесмен Виктор Вексельберг, предоставила кредит британскому банку Cynergy. Спустя несколько месяцев после заключения договора Вексельберг был внесен в американский санкционный список SDN, вследствие чего Lamesa стала «заблокированным лицом» в понимании законодательства США. Банк Cynergy отказался выплачивать проценты по кредиту, сославшись на пункт кредитного договора, который освобождал от ответственности за неплатеж, если он совершен «в целях соблюдения любого обязательного положения закона, нормативного акта или приказа любого компетентного суда». Банк утверждал, что выплата в пользу подсанкционной компании создает реальный риск применения к нему вторичных санкций США, включая запрет на открытие корреспондентских счетов в американских банках. Для британского банка чей долларовый бизнес критически зависит от доступа к финансовой системе США, такие последствия были бы чрезмерно негативные.

Суд первой инстанции, а затем и Апелляционный суд Англии [7] встали на сторону банка. Ключевое значение имело то, что американское законодательство содержало не прямой запрет на

платежи в адрес подсанкционных лиц, а императивное предписание президенту США ввести санкции против любого иностранного финансового учреждения, которое «осознанно содействует существенной финансовой транзакции» в интересах такого лица.

Суд признал, что угроза применения вторичных санкций сама по себе является «обязательным положением закона» в смысле договорной оговорки, даже если закон не содержит эксплицитного запрета на конкретное действие.

Данное дело, таким образом, не иллюстрирует принцип «никто не может ссылаться на собственное неправомерное поведение». Напротив, оно утверждает легитимность защиты должника, который отказывается от исполнения не в силу собственного закона, а в силу экстерриториального действия иностранного санкционного режима, угрожающего его бизнесу. При этом данный прецедент не закрывает, а, напротив, открывает возможность для защиты, основанной на риске иностранных санкций, но при условии, что такой риск является реальным, а не гипотетическим, и что договорная оговорка позволяет ссылаться на «обязательные положения закона» в широком смысле, включая санкционные режимы третьих стран.

Вместе с тем одной из самых распространенных «procedural traps», в которую попадают даже крупные компании, остается смешение двух различных правовых институтов – форс-мажора и затруднения, возникшие в процессе исполнения Контракта [8].

Форс-мажор делает исполнение объективно невозможным, вследствие чего сторона освобождается от ответственности за убытки на период существования препятствия. Однако важно правильно толковать статью 79 Венской конвенции 1980 года.

Положения пункта 5 данной статьи не предоставляет кредитору права на приостановление встречного исполнения. Иными словами, освобождение от ответственности по статье 79 ограничивается лишь освобождением от обязанности возместить убытки. Все иные права кредитора сохраняются – право требовать реального исполнения, право отказаться от договора, право на уменьшение покупной цены.

Затруднения, определяемые в статье 6.2.2 Принципов УНИДРУА [9], напротив, предполагает, что исполнение остается возможным, но становится крайне обременительным, фундаментально меняя баланс интересов сторон.

Классический пример: цена контракта – 10 миллионов долларов, но из-за скачка логистических расходов стоимость исполнения возрастает

до 25 миллионов. Данное повышение будет являться не форс-мажором, а затруднением по смыслу ст. 6.2.2. Принципов УНИДРУА, поскольку товар может быть доставлен. В этой связи при отсутствии в контракте специальной оговорки о конкретных затруднениях суд откажет в изменении цены.

Следует также отметить важный процессуальный аспект доказывания форс-мажора. Пункт 4 статьи 79 Венской конвенции, а также подавляющее большинство национальных законов и арбитражных регламентов обязывают сторону, для которой наступило препятствие, незамедлительно уведомить об этом контрагента.

Для юридического лица это означает не просто отправку электронного письма, а формальное письменное уведомление с приложением доказательств, в качестве которых обычно выступают сертификаты торгово-промышленной палаты, справки государственных органов или заключения независимых экспертов.

Так, в соответствии с типовой форс-мажорной оговоркой Международной торговой палаты (ICC) [10], сторона, ссылающаяся на наличие обстоятельств непреодолимой силы, освобождается от ответственности только с момента представления такого уведомления. На этом основании многие арбитражные решения исходят того, что пропуск срока лишает права ссылаться на форс-мажор, даже если само событие объективно существовало, что подтверждено, в частности, решением МКАС при ТПП РФ № 45/2021.

Однако строгость этого правила смягчается доктринальной позицией и отдельными судебными актами, которые исходят из того, что отсутствие уведомления о форс-мажоре не всегда и не при любых обстоятельствах лишает сторону права ссылаться на обстоятельства вне его контроля и требовать освобождения от ответственности.

Как обоснованно отмечают Н.В. Тололаева и М.А. Церковников, с учетом характера непреодолимой силы договорные условия о порядке уведомления о форс-мажоре, о его фиксации и тому подобные процедурные требования не лишают суд права признать наличие обстоятельств непреодолимой силы и освободить должника от ответственности, даже если этот порядок был им нарушен [11].

Ключевым критерием здесь выступает причинно-следственная связь между нарушением порядка уведомления и возникшими у контрагента убытками. Если отсутствие уведомления не состоит в причинной связи с такими убытками, то затронутая сторона может быть освобождена от ответственности.

Аналогичную позицию высказывает В.В. Байбак, подчеркивающий, что формальный подход к уведомлению не должен превращаться в самоцель, способную блокировать применение материально-правового института непреодолимой силы [12].

Иными словами, суд или арбитраж, оценивая последствия пропуска уведомления, каждый раз должен исследовать вопрос: могло ли своевременное уведомление предотвратить или уменьшить убытки кредитора? Только в случае утвердительного ответа нарушение порядка уведомления влечет отказ в освобождении от ответственности. Если же убытки были неизбежны, а просрочка уведомления носила технический характер и не повлияла на положение кредитора, освобождение от ответственности остается возможным.

Подводя итог, следует констатировать, что исполнение обязательств юридическим лицом при форс-мажорных обстоятельствах в трансграничных спорах перестало быть вопросом простой констатации стихийного бедствия или публичного запрета. Современный международный коммерческий арбитраж и государственные суды ведущих правовых порядков рассматривают форс-мажор не как пассивный щит. Юридическое лицо обязано не только доказать наличие объективного препятствия, но и продемонстрировать, что оно проявило должную осмотрительность, диверсифицировало риски, использовало все доступные альтернативы.

При этом процедурные требования, включая уведомление, не должны превращаться в самоцель: отсутствие уведомления лишает права на освобождение от ответственности лишь тогда, когда это нарушение состояло в причинной связи с убытками кредитора. Если же кредитор не понес дополнительных потерь вследствие несвоевременного уведомления, либо узнал о форс-мажоре из иных источников, освобождение должника от ответственности остается возможным. Только доказав, что ни одно разумно действующее юридическое лицо в аналогичной коммерческой ситуации не смогло бы исполнить договор, и что любое нарушение процедурных сроков не повлияло на положение контрагента, сторона может рассчитывать на применение форс-мажорной защиты.

Список литературы:

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 18.03.2026).

[2] ICC. URL: <https://iccwbo.org/> (дата обращения: 18.03.2026).

[3] Дериглазова Л. В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. №295. С. 123-129.

[4] LCIA Awards. // International Arbitration Database. URL: <https://arbitration.org/awards/lcia> (дата обращения: 18.03.2026).

[5] Резолюция 2397 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8151-м заседании, состоявшемся 22 декабря 2017 года // ООН. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123692/res_2397.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

[6] Lamesa Investments Limited and Cynergy Bank Limited, Case No: 1236/5/7/15. // URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (дата обращения: 18.03.2026).

[7] Lamesa Investments Limited and Cynergy Bank Limited Appeal No: A4/2019/2463 // URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (дата обращения: 18.03.2026).

[8] Оговорка ICC 2003 о форс-мажоре. Оговорка ICC 2003 о затруднении». Публикация Международной торговой палаты N 650.

[9] Комаров А.С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. «Статут», 2020. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19131#M5d6nIVHJhNIIIFm9> (дата обращения: 18.03.2026).

[10] Оговорка ICC 2020 о форс-мажоре. Публикация ICC № 650. 01.03.2020

[11] Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (Тололаева Н.В., Церковников М.А.) («Вестник гражданского права», 2023, NN 5, 6)

[12] Байбак В.В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. №10. С. 132-143.

References:

[1] United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (concluded at Vienna

on 11 April 1980). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaee5045/ (accessed on 18 March 2026).

[2] ICC. URL: <https://iccwbo.org/> (accessed on 18 March 2026).

[3] Deriglazova L. V. The Concept of Asymmetry in the Theory and Practice of International Relations // Vestn. Tomsk. state University. 2007. No. 295. pp. 123-129.

[4] LCIA Awards. // International Arbitration Database. URL: <https://arbitration.org/awards/lcia> (date of access: 18 March 2026).

[5] Resolution 2397 (2017), adopted by the Security Council at its 8151st meeting, held on 22 December 2017 // UN. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123692/res_2397.pdf (date of access: 18 March 2026).

[6] Lamesa Investments Limited and Cynergy Bank Limited, Case No: 1236/5/7/15. // URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (date of access: 18 March 2026).

[7] Lamesa Investments Limited and Cynergy Bank Limited Appeal No: A4/2019/2463 // URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (accessed: 18.03.2026).

[8] ICC 2003 Force Majeure Clause. The ICC 2003 Hardship Clause. International Chamber of Commerce Publication No. 650.

[9] Komarov A.S. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. "Statute", 2020. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19131#M5d6nIVHJhNIIIFm9> (accessed: 18.03.2026).

[10] The ICC 2020 Force Majeure Clause. ICC Publication No. 650. 01.03.2020

[11] Scientific and Practical Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 "On the Application courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" (Tololaeva N.V., Tserkovnikov M.A.) ("Bulletin of Civil Law", 2023, No. 5, 6)

[12] Baibak V.V. General conditions of liability for breach of obligations in Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation: old rules in a new context // Law. 2016. No. 10. pp. 132-143.

